
М. А. ПОЛЯКОВСКАЯ

К СЛОВАРЮ ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОГО ЦЕРЕМОНИАЛА: АНАВАФРА

Как некогда участники плифоновского союза, Игорь Павлович Медведев в кругу учеников профессора М. Я. Сюзюмова является «эсотериком». Давно принадлежа петербургской школе византистики, в Уральском университете он поныне остается «своим», тем более что и стороннее мнение причисляет его к этой школе: он был назван А. П. Кажданом «самым способным из учеников М. Я. Сюзюмова».¹

Круг интересов юбиляра необычайно широк (и в этом он тоже достойный ученик своего учителя). Перу И. П. Медведева принадлежат работы по истории города, культуре, праву, дипломатии и дипломатике — разве что о церемониале он, кажется, не писал. Вот по этому принципу и отобрана мной небольшая заметка, которая, я надеюсь, будет скромно вплетена в праздничный букет статей, подносимый юбиляру коллегами и друзьями.

В византийских церемониальных текстах встречается немало названий, недостаточно знакомых современному читателю. Но за ними всегда стоят реалии, могущие (в той или иной степени) помочь понять нюансы придворной культуры. К числу подобных реалий относится и анавафра.

Что пишет об анавафре Псевдо-Кодин, автор церемониальной книги середины XIV в. «О должностных лицах Константинопольского двора и о должностях Великой церкви»?²

При описании коронационного обряда (глава VII) Псевдо-Кодин сообщает, что император после акта поднятия его на щите направлялся в храм Св. Софии, где должно было состояться его коронование. Там он, переодевшись в саккос и диадему в специально для этого построенном

¹ Kazhdan A. Portraits of Soviet Byzantinists. I: M. Ia. Siuziumov // BS / Etudes byzantines. 1983. Vol. 10. Pt. 2. P. 204.

² Pseudo-Kodinos. Traité des offices / Introd., texte et trad. par J. Verpeaux. Paris, 1976 (далее — Ps.-Kod.).

³ Ibid. P. 256.20—25. «Деревянный домик» (ξύλινον οἶκημα μικρόν) служил цели сиюминутного переодевания императора и в других церемониальных обрядах. См. об

«деревянном домике»,³ направлялся к установленной вблизи от «домика» анавафре, которая, по описанию автора обрядника, представляла собой деревянное строение, полностью декорированное алыми шелковыми тканями. Наверху были установлены, соответственно числу императоров и их супруг — в зависимости от обряда или этапа обряда, золоченые троны, высота которых была увеличена за счет ступеней (четырёх или пяти).⁴

В ходе коронационного обряда император (или императоры, или император с императрицей) несколько раз по ходу действия поднимались на анавафру, занимали места на тронах и спускались, соответственно ритуалу.⁵ Так, перед миропомазанием патриарх, поднявшись на амвон, приглашает императора и по прочтении принятых в акте миропомазания текстов помазует крестообразно божественным елеем голову императора, трижды повторяя «Свят!». После возложения стеммы на голову императора с троекратными возгласами «Достоин!» император спускался с амвона в сторону солеи и алтаря и вновь поднимался на анавафру.⁶ Затем происходила коронация императрицы, которая, спустившись с анавафры, вставала перед солеей, где император возлагал на голову супруги корону. После проскинезы императрицы, демонстрирующей почтение супругу, и прочитанной патриархом молитвы царственные особы занимали места на анавафре, при этом василевс держал крест, а василисса — вайю, украшенную драгоценными камнями и жемчугом. При звучании гимна Трисагии, как и при чтении текстов Посланий апостолов и Евангелия, коронованные особы вставали со своих мест на анавафре.⁷

Наряду с анавафрой для коронуемых императора и императрицы по обе стороны храма специально для обряда коронования строились деревянные анавафры для певчих, домашних и чтецов (с древних времен называемых *κράκται*), исполнявших соответствующие ритуалу песнопения.⁸ При этом, стоя на анавафрах, они держали три копия, имеющих деревянные обручи с висящими на них красными и белыми шелковыми тканями, которые позднее, при возвращении императора во дворец, будут нести перед ним.⁹

После причащения императора и раздачи народу антидорона¹⁰ император с супругой, императором-отцом и императрицей-матерью вновь поднимались на анавафру, но только меньшего размера, с обычными (без ступеней) тронами. Их сопровождали певчие и домашники. Когда золотые занавеси прикрывали царствующих особ, псалты пели: «Вос-

этом: *Беляев Д. Ф.* Ежедневные и воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм св. Софии в IX—X в. СПб., 1893. С. 44—45. Сн. 2.

⁴ Ps.-Kod. P. 257. 2—25.

⁵ Ibid. P. 260.8, 261.9, 262.19, 267.2 и др.

⁶ Ibid. P. 259.10—260.

⁷ Ibid. P. 262.24—28.

⁸ Ibid. P. 262.28—263.9.

⁹ Ibid. P. 263.9—14.

¹⁰ Ibid. P. 268.22—23.

станите, восстаните!». После этого занавеси раздвигались, и все, кто стоял на катихумениях, приветствовали их.¹¹ Названная сцена несколько напоминает ситуацию прокиписиса, но об этом ниже.

Итак, при описании обряда коронации императора Псевдо-Кодином восемь раз названы анавафра — большая, малая и две — для протопсалтов и анагностов.

Сравним информацию, полученную нами из обрядника Псевдо-Кодина, с другими описаниями поздневизантийского коронационного обряда: это текст Иоанна Кантакузина об акте коронации Андроника II Палеолога 2 февраля 1325 г.,¹² анонимное описание коронации Мануила II Палеолога 11 февраля 1391 г. (сохранилось лишь фрагментарно)¹³ и дневниковая запись паломника Игнатия Смоленского, присутствовавшего на коронации Мануила II.¹⁴

Описание коронации Андроника III Палеолога в 41-й главе «Истории» Иоанна Кантакузина во многом совпадает с текстом коронационной главы обрядника Псевдо-Кодина. Долгое время полагали, что автор церемониальной книги позаимствовал текст у Кантакузина. Ныне же, по обоснованному мнению Ж. Верпо, считается, что Иоанн Кантакузин и Псевдо-Кодин пользовались одним и тем же официальным предписанием в отношении коронационного чина.¹⁵ Хотя рассказ Иоанна Кантакузина о коронации Андроника III Палеолога достаточно пространен, однако он существенно короче описанного Псевдо-Кодином чина. По подсчету Ж. Верпо, если у Кантакузина этот текст занимает 176 строк, то в трактате Псевдо-Кодина рассматриваемому чину посвящено 303 строки (или 247, если исключить начало и конец, которых нет у Кантакузина).¹⁶ Можно констатировать совпадение ситуаций, связанных с упоминанием анавафры. Единственно, что дополнено в тексте Кантакузина, — это характеристика той алой шелковой ткани, которой со всех сторон (πᾶντοθεν) была декорирована анавафра: он называет ее Σηρικᾶ,¹⁷ что может свидетельствовать о ее восточном происхождении (от Σῆρες — жители Индии и Китая). В целом, в тексте Иоанна Кантакузина мы наблюдаем не расширение характеристики анавафры, а, напротив, ее сокращение по сравнению с текстом Псевдо-Кодина. Так, отсутствует «сцена» с копиями, а также описание анавафры среднего раз-

¹¹ Ibid. P. 269.2—19.

¹² Joannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum libri IV. Vol. 1—2. Bonnæ, 1831. Vol. I. P. 196.8—204.3 (далее — *Cant.*).

¹³ *Ps.-Kod.* P. 353—361. См. также: *Лопарев Хр.* К чину царского коронования в Византии // Сб. статей в честь Д. Ф. Кобеко от сослуживцев по Императорской Публичной библиотеке. СПб., 1913. С. 8—11. Копия статьи Хр. Лопарева была любезно прислана мне И. П. Медведевым.

¹⁴ Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries / By G. T. Majeska. Washington, 1984. P.105—112. О дате коронации см.: *Verpeaux J.* Appendice // *Ps.-Kod.* P. 351—352; *Majeska G. T.* Commentary // *Russian Travelers...* § 88. P. 416—420.

¹⁵ *Verpeaux J.* Introduction // *Ps.-Kod.* P. 31—35.

¹⁶ Ibid. P. 31.

¹⁷ *Cant.* P. 197.

мера, на которую поднялась императорская семья после причащения императора. В тексте «Истории» Иоанна Кантакузина анавафра названа шесть раз.

В описании коронации Мануила II (флорентийская рукопись VIII)¹⁸ отсутствует текст, воспроизводивший начало коронационного действия, определенного церемониальной книгой Псевдо-Кодина. Обряд, засвидетельствованный этой рукописью, начинается с происходящего в алтаре акта каждения,¹⁹ чтения молитв и Трехсвятия, завершающегося миропомазанием императора и возложением на его голову короны. Следовательно, в тексте анонимного автора нет упоминания о «деревянном домике», где император переодевался перед актом коронации, а затем восходил с императрицей на анавафру с высокими тронами. По анонимному автору, анавафра впервые упомянута в контексте коронации императором императрицы, когда они, коронованные, после коленопреклонения перед алтарем, поднимаются (он с крестом, а императрица с ветвью, украшенной камнями и жемчугом) на анавафру и усаживаются на свои троны.²⁰

Далее в тексте, изданном по флорентийской рукописи, следует сюжет с анавафрами для музыкантов: «За амвоном устроены две деревянные анавафры, одна справа, другая слева — так, чтобы сверху стояли певцы хора (μαῖστορες) с прекрасными голосами, надевшие поверх своих платьев золотые одежды из императорского вестиярия, и распорядители торжеств <...> Протопсалт и domestik стоят праздно на солее, лампадарий с двойным подсвечником (μετὰ τοῦ διβαμπούλου) впереди василевса пониже царской анавафры, протоканонарх же стоит посреди амвона с задней стороны и громко ведет счет строф (κλωναρχεῖ), а маисторы поют после каждого стиха „ей свят“».²¹

По тексту анонимного автора, после возношения Святых Даров и провозглашения многолетия в честь императора он шел в сопровождении духовенства до солей и, вновь поднявшись вверх, садился на свой трон (ἀναβάς κάθηται ἐν τῷ θρόνῳ αὐτοῦ).²² Хотя здесь прямо не названа анавафра, упоминание о ней присутствует в причастии от глагола ἀναβαίνειν.

Затем, по анонимному автору, императора вызывали в алтарь для причащения, после же он снова поднимался на анавафру.²³ Таким образом, до названного момента в описании коронационного обряда и Псевдо-Кодин, и анонимный автор близки (за исключением начала церемонии с актом переодевания императора, как уже указывалось).

В последующем тексте анонимного описания коронации Мануила II начинаются разночтения с текстом Псевдо-Кодина. В названном источ-

¹⁸ См. выше, сн. 13.

¹⁹ Сначала кадил император, а затем патриарх: *Ps.-Kod.* P. 353.1—9.

²⁰ *Ibid.* P. 355.27—28.

²¹ *Ibid.* P. 356.9—357.1. См. также: *Лопарев Хр.* К чину царского коронования... С. 4.

²² *Ps.-Kod.* P. 358.18—20.

²³ *Ibid.* P. 359.2.

нике после причащения император, сев на коня, направлялся из храма во дворец (ο βασιλεὺς καβαλικεύσας ἐκ τοῦ ναοῦ εἰς τὰ βασιλεία πορεύεται).²⁴ Это означает, что, по этой версии, анавафра, дважды названная в дальнейшем тексте, была расположена во дворце. Однако описание торжества (и места анавафры в нем) совпадает во многом с описанием Псевдо-Кодина,²⁵ а у него эта часть церемонии проходила в храме.

Текст анонимного автора таков: «Во дворце заранее была приготовлена анавафра и покрыта алыми тканями; впереди имеется занавес, и весь народ находится по другую сторону занавесей. Василевс поднимается с августой на анавафру на свои троны. Маисторы восклицают с напевом: „Восстаните, восстаните, цари Ромейские!“. Тотчас открываются занавесы, императоры появляются, и происходит восславление. Затем занавесы снова закрываются...», так что народ не видит царствующих особ. Василевс с августой, войдя во внутренние помещения и надев другие одежды, садятся за стол.²⁶

Т. е. при общем совпадении этого фрагмента текста с описанным Псевдо-Кодином чином коронования здесь наблюдается явное разногласие. Можно согласиться с Хр. Лопаревым, комментировавшим текст флорентийской рукописи, что анавафра в этой ситуации стояла в храме, ибо народ (ὁ λαός) не допускался во дворец (особенно после акта коронации).²⁷ Хотя аргумент относительно народа довольно шаток (народом в такой ситуации могли быть названы придворные), следует все-таки принять доводы Хр. Лопарева, поскольку аноним не был свидетелем церемонии и, переписывая по готовому тексту,²⁸ мог ошибиться. Впрочем, за несколько десятилетий в финале церемонии могли произойти изменения.

Итак, всего в сочинении анонимного автора анавафра названа пять раз (и в шестой раз она упомянута в тексте через соответствующий глагол). По сравнению с текстом обрядника Псевдо-Кодина, как было отмечено, отсутствует описание анавафры с высокими тронами в начале церемонии, происходившей в храме Св. Софии.

Записи русского паломника Игнатия Смоленского «О царском венчании» свободны от влияния официальных предписаний и являются скорее отражением первого впечатления от потрясшего его зрелища: великолепные царские одежды, яркие одеяния духовенства, иностранных гостей и сановников, обилие света и песнопений. Описание Игнатия Смоленского очень эмоционально: «И бысть вънчание его чюдно видѣти».²⁹

²⁴ Ibid. P. 359.3—5.

²⁵ Ibid. P. 269.2—19.

²⁶ Ibid. P. 359.11—360.12.

²⁷ Лопарев Хр. К чину царского коронования... С. 6.

²⁸ Там же. С. 2.

²⁹ Хождение Игнатия Смолянина // Russian Travelers... P. 105.434.

При сравнении записи Игнатия Смоленского с чином коронования в описании Псевдо-Кодина, Иоанна Кантакузина или анонимного автора заметны некоторые отличия и совпадения.

Одно из бросающихся отличий — это присутствие василевса в храме Св. Софии в ночь, предшествующую акту коронации: «Тои нощи бысть все бдние ношное в Свягьи Софии».³⁰ Этому можно поверить. Как известно, в палеологовский период, когда императорский двор находился довольно далеко от храма Св. Софии, во Влахернском дворце, василевсы иногда приезжали в храм с вечера и ночевали в мутатории, в расположенных на галерее храма покоях для отдыха и переодевания.³¹ Тем более можно этому поверить, так как коронация Мануила II проходила в феврале, и даже для юга это не лучшее время. А в тот год февраль действительно был холодным, о чем свидетельствует письмо Димитрия Кидониса, обращенное к Мануилу II Палеологу по поводу его коронации. Вернувшись из Венеции, Кидонис решил поздравить императора вскоре после того, как тот «от Бога получил скипетр».³² Автор письма извинился, что плохо себя чувствует «из-за зимней погоды» и в силу этого не смог лично посетить с поздравлениями «царя философов».³³

Что касается интересующего нас вопроса, то уже в первом абзаце заметок Игнатия можно получить нужные сведения: «И быше под палатами по правои руцъ чертог 12 степени, шириною двъ сажени, а облечен весь черленым червьцем, на немже два стола златы».³⁴ Паломник пишет, что царь, проведя ночь в верхней галерее («на полатах») храма, с началом службы вошел в храм через царские ворота и прошел до чертога.³⁵ Затем царь, «вшед в чертог, облечеса в багряницу и диадиму и вънец кесарский».³⁶ Выйдя из чертога, он и царица взойшли наверх («възыде на верх») и сели на троны, после чего началась литургия.³⁷

Далее Игнатий рассказывает о ходе самой коронации, не сообщая ничего о предшествующем ей акте миропомазания: «И положи патриарх вънец на царя и даде ему крест в руку. И спед царь доле³⁸ и положи вънец на царицу, и поидоша на свое мьсто и съдоша на столъх».³⁹

³⁰ Ibid. P. 105.437.

³¹ Беляев Д. Ф. Ежедневные и воскресные приемы... С. 129.

³² *Démétrius Cydonès. Correspondans* / Publ. par R.-J. Loenertz. ST 208. Città del Vatic., 1956. № 430.7. Немецкий перевод: *Demetrios Kydones. Briefe / Übers. und erläut. von F. Timmefeld. Stuttgart, 2003. T. 4. № 427.*

³³ *Démétrius Cydonès. Correspondans. № 430. P. 386.10.*

³⁴ *Russian Travelers...* P. 107.518—533.

³⁵ Ibid. P. 107.533—546.

³⁶ Ibid. P. 109.573—577.

³⁷ Ibid. P. 109.579—588.

³⁸ Т. е. спустившись с амвона.

³⁹ *Russian Travelers...* P. 109. 623—111.631.

⁴⁰ См. выше, сн. 11. Занавес упоминается Игнатием Смоленским в ситуационном контексте, которого нет в обряднике Псевдо-Кодина: «...и ту стоящи народи раздраща всю опону чертожную, колико кто въсхити себя» (*Russian Travelers...* P. 111.666—670).

Затем паломник отмечает, что после акта причащения открывался занавес на царском помосте («опона чертожная»), что напоминает фрагмент с малой анавафрой из текста обрядника Псевдо-Кодина.⁴⁰

Итак, в записи Игнатия Смоленского в ходе коронационного обряда анавафра названа чертогом и упомянута пять раз. Вполне понятно, что рассказ паломника более краток, чем другие описания коронационного чина XIV в., но в целом он при определении назначения помоста соответствует основным этапам рассматриваемого обряда.

Обратимся к тем сюжетам поздневизантийского церемониала, которые свидетельствуют о возможности использования анавафры не только в стенах храма Св. Софии, но и в императорском дворце. Это описанные Псевдо-Кодином акты возведения в сан патриарха (гл. VIII) и празднования Воздвижения Креста (гл. IV).

При возведении в сан патриарха триклиний дворца делился занавесами на две части. В первой из них ставилась покрытая аллой шелковой тканью деревянная анавафра,⁴¹ на которой находился трон императора. За занавесами стояли все архонты в парадных костюмах и с соответствующими их должности инсигниями. В третьем выделенном занавесами пространстве, расположенном напротив императорского трона, стоял трон будущего патриарха. После того как занавеси раздвигались, начиналась евфимия. Самый высокий из присутствующих чинов, взяв кандидата под руку, подводил его к анавафре,⁴² и тот — после произнесенной формулы возведения патриарха в сан — поднимался по ее ступеням, получая из рук императора диканикий как символ власти и императорское благословение. Далее начиналась евфимия в честь императора и патриарха, после которой, по завершении акта, император отправлялся в свои покои, а патриарх — в храм Св. Софии.

Что касается праздника Воздвижения Креста, информация автора обрядника весьма лаконична. Мы лишь знаем, что в триклинии дворца ставилась деревянная, покрытая красным шелком анавафра, на которую поднимался патриарх для ведения акта праздника.⁴³

Попробуем обобщить материал на основании 27 упоминаний анавафры в поздневизантийских текстах.⁴⁴ Во всех случаях она присутствует в церемониальном пространстве, предназначенная преимущественно для репрезентации императорской власти (26 упоминаний). В основном анавафра использовалась в акте коронации императора в храме Св. Софии, но и происходившие во дворце упомянутые выше церемонии служили идее императорской власти. Так, при возведении в сан патриарха анавафра и находившийся на ней императорский трон устанавливались,

⁴¹ *Ps.-Kod.* P. 279.23—24.

⁴² *Ibid.* P. 280.8—13.

⁴³ *Ibid.* P. 239.26—240.4.

⁴⁴ Помимо рассмотренных в статье источников, поиск проведен по текстам исторических сочинений Георгия Акрополита, Георгия Пахимера, Никифора Григоры, однако он не увенчался успехом.

⁴⁵ К этимологическому толкованию слова можно добавить относящиеся к этой же группе слов понятия *τὸ βάθρον* (ступень, порог) и *τὸ ὑποβάθρον* (подставка).

«как во время коронации василевса» (ὁποῖος ἐν τῇ βασιλέως στεφηφορίᾳ εἴρηται).

Что же такое анавафра? Слово ἡ ἀναβάθρα этимологически происходит от глагола ἀναβαίνω (всходить, подниматься).⁴⁵ В древнегреческом словаре оно обозначается как «сходни», «помост». Из византийских текстов видно, что это специально — для определенного церемониального акта — построенное из дерева, обитое со всех сторон алой шелковой тканью и имеющее ступени возвышение, на котором стоял императорский трон (или троны для членов императорской семьи).⁴⁶

Игнатий Смоленский добавляет некоторую информацию о местонахождении анавафры в храме и ее размерах. Он прямо сообщает, что она находилась «под палатами по правой руць», т. е. справа от амвона. Это не противоречит описанию тех передвижений (алтарь — солея — амвон — анавафра), которые совершает василевс во время акта коронации. Г. П. Маджеска ссылается на традицию, подтверждаемую и Антонием Новгородским, упоминавшим «пурпурный мрамор», на котором возводился трон для коронации императора.⁴⁷ В связи с этим можно вспомнить представлявшую план храма Св. Софии таблицу X в книге Д. Ф. Беляева.⁴⁸ На этой таблице отмечено место, на котором возводился обычно коронационный помост. Это расположенный на полу в юго-восточной части храма (ближе к восточным колоннам) прямоугольник, вымощенный гранитом и порфировым мрамором. По периметру этот прямоугольник был украшен каменной цветной мозаикой. В центре прямоугольника находился круг диаметром в 3,5 м — именно над этим кругом и возводилась анавафра, при этом мозаичный декор оставался видимым для присутствующих на праздничном акте.⁴⁹

Несомненной «составляющей» анавафры являлись ступени. Самую содержательную информацию о них сообщает в своем описании коронации Игнатий Смоленский. Он отмечает, что «степени»⁵⁰ имели ширину две сажени,⁵¹ что составляет 2,84 м. Казалось бы, что при этом размере анавафра действительно могла бы войти в названный круг справа от амвона. Однако, определяя площадь анавафры, следует иметь в виду, что она могла быть, судя по источникам, большой, средней и малой.

⁴⁶ Если обратиться к традиции, восходящей к «Книге церемоний» Константина Багрянородного, то в текстах первой книги анавафра, названная в главах 1 (5 раз) и 19 (4 раза), имеет все ту же характеристику — деревянная, покрытая алой тканью. Упоминается также размер анавафры (большая, малая). Все упоминания относятся к пространству храма Св. Софии: Constantini Porphyrogeneti De cerimoniis aulae byzantinae libri duo. Bonnæ, 1829. I.23, 609—611. См. также: Беляев Д. Ф. Обзор главных частей Большого дворца византийских царей. СПб., 1891. С. 94.

⁴⁷ Majeska G. P. Commentary. P. 423.

⁴⁸ Беляев Д. Ф. Ежедневные и воскресные приемы... Объяснения к таблице: с. 304.

⁴⁹ Majeska G. P. Commentary. P. 423.

⁵⁰ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. 3. С. 511. Срезневский ссылается на текст Игнатия Смоленского.

⁵¹ Разумеется, здесь имеется в виду маховая сажень. См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. 4. С. 129.

Ступени, как следует полагать, должны были быть пологими (приблизительно 10 см в высоту), иначе трудно было бы представить многократные подъемы и спуски с анавафры императора и членов его семьи в длинных тяжелых одеяниях. При пологих ступенях высота анавафры, возможно, была 1,5—2 м. Иногда, чтобы сделать видимыми всем собравшимся на празднество восседающих царственных особ, к тронам вели дополнительные четыре-пять ступеней, названные как Иоанном Кантакузином, так и Псевдо-Кодином. Думается, что размер анавафры мог варьироваться применительно к торжественному акту.

При характеристике анавафры встает вопрос и о так называемом «домике для переодевания», упоминаемом Иоанном Кантакузином и Псевдо-Кодином при характеристике обряда коронования. По Игнатию Смоленскому, названный им чертог и служил цели смены коронационной одежды. А троны стояли «на немже». Возможность сочетать помост с комнатой для переодевания отмечалась и М. А. Андреевой⁵² применительно к церемонии прокипсиса. Само слово «чертог», используемое Игнатием Смоленским, имело, наряду со значениями «комната», «дворец», «палата», и конкретный смысл — «царский чертог», т. е. возвышенное место в Московском Успенском соборе, где венчались русские цари.⁵³ Вполне вероятно, что и там чертог был связан с функцией переодевания.

Как можно видеть, между анавафрой и прокипсисом (как постройкой) было много общего: оба сооружения были специально для конкретного торжественного акта построенными деревянными помостами, сценой, служившей цели пропаганды «императорской идеи». По М. А. Андреевой, прокипсис представлял собой нечто вроде шатра с занавесями и с отгороженной комнатой для переодевания.⁵⁴ Подробное описание прокипсиса содержится у Псевдо-Кодина.⁵⁵ Церемония проводилась в дни церковных праздников, прежде всего Рождества и Крещения, а также в дни свадебных торжеств дочерей императора.⁵⁶ Поскольку помост прокипсиса служил цели представления зрителям большого количества лиц (императора и его окружения), его строили не в помещении, а во дворе либо храма, либо дворца. Иоанн Кантакузин назвал его даже «воздушным домиком».⁵⁷

О том, что двум рассматриваемым здесь сооружениям, играющим роль праздничной сцены, было отведено разное место в поздневизантийском церемониале, свидетельствует и то, что в трактате Псевдо-Ко-

⁵² Андреева М. А. О церемонии «прокипсис» // *Seminarium Kondakovianum*. 1927. Vol. 1. S. 162.

⁵³ Даль В. Толковый словарь... Т. 4. С. 597.

⁵⁴ Андреева М. А. О церемонии «прокипсис». S. 162.

⁵⁵ *Ps.-Kod.* P. 197—198.

⁵⁶ *Ibid.* P. 587.18—588.12.

⁵⁷ Андреева М. А. О церемонии «прокипсис». S. 160.

⁵⁸ *Ps.-Kod.* P. 239.27, 257.4, 260.8, 261.9, 262.19, 263.1, 267.7, 269.3, 269.12, 272.24—25, 278.14, 279.23—24, 280.9.

⁵⁹ *Ibid.* P. 181.1, 183.13, 195—198, 202.26, 203.16, 208.21, 209.23, 226.26, 227.5.

дина нигде не совпадают фрагменты текста, сообщающие об анавафре⁵⁸ и о прокиписе.⁵⁹

Можно обратить также внимание на то, что в переводе текста сочинения Псевдо-Кодина, осуществленном Ж. Верпо, хотя греческие названия помостов не сохранены, однако $\eta \alpha\nu\alpha\beta\alpha\theta\rho\alpha$ переводится как «une estrade», а $\eta \pi\rho\omicron\kappa\upsilon\pi\iota\varsigma$ как «la tribune de présentation» или просто «la tribune». Это, несомненно, передает различие представлений византийцев об этих видах сооружений (хотя предпочтительнее бы были существительные с сохраненными греческими корнями).

По наблюдениям М. А. Андреевой, прокипис был генетически связан с римскими триумфами и кафисмой императоров.⁶⁰ Основанием как для кафисмы, так и для прокиписиса являлись колонны, бывшие в римские времена стационарными, мраморными, а в поздневизантийское время — временными, деревянными. Анавафра же (или, по Андреевой, патар,⁶¹ построенный в катихумениях Св. Софии) возводилась не на колоннах, а на ступенях.⁶²

Пытаясь реконструировать по данным источников внешний вид анавафры, мы не разрешили окончательно всех вопросов. Обращает на себя внимание, к примеру, то, что Хр. Лопарев, комментируя текст Псевдо-Кодина, пишет: «василевс вошел в анавафру», «сидит в анавафре» и «вышел из анавафры».⁶³ Хотелось бы предположить, что передняя стенка анавафры прикрывала нижние ступени, но об этом не преминул бы

⁶⁰ Андреева М. А. О церемонии «прокиписис». S. 172.

⁶¹ Видимо, М. А. Андреева имела в виду анавафру с занавесями.

⁶² Там же. S. 173.

⁶³ Лопарев Хр. К чину царского коронования... С. 4. Собственно, это неясное словосочетание и подтолкнуло автора этой статьи к поиску. Вероятнее всего, слова Хр. Лопарева следует отнести к анавафре с занавесями.

написать Игнатий Смоленский, бывший свидетелем коронации Мануила II в храме Св.Софии.

Как бы то ни было, уточнение значения названия «анавафра», взятое в контексте церемониального протокола, позволяет в некоторой степени воссоздать зримые реалии жизни поздневизантийского двора.